

ное значение, то и белорусское слово сохраняет образность, абстрактность и мотивируется словом русского языка в основном значении.

Распределение межъязыковых омонимов по рассмотренным нами типам позволяет делать выводы не только относительно лексических систем русского и белорусского языков, но и относительно их функционирования в речи билингов, для которых существует целый ряд факторов (в том числе и тип омонимов), стимулирующих и нейтрализующих нежелательные столкновения межъязыковых омонимов в процессе коммуникации.

¹ См.: Ровдо И. С. Межъязыковая омонимия в системе русской и белорусской лексики. — *Вестник БДУ імя У. І. Леніна*, сер. IV, 1979, № 2, с. 29.

² Римские цифры указывают на омонимию слов, прописные буквы русского алфавита — на полисемию.

С. М. ПРОХОРОВА

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В ГОВОРАХ СМОЛЕНЩИНЫ

В говорах, как и в литературных языках, синтаксические конструкции группируются в синтаксические поля «на основании близости выражаемых ими синтаксических значений, которые представляют собой обобщенное отражение отношений объективной реальности»¹. В синтаксические поля объединяются не только предложения и словосочетания, но и аналоги словосочетаний, детерминанты (ситуанты) и другие синтаксемы (термин Г. А. Золотовой)². В силу этого многие синтаксические поля исключительно сложны в структурном отношении, в них выделяются микрополя, в свою очередь поля объединяются в макрополя и т. п.

В статье рассматриваются фрагменты трех синтаксических полей в говорах Смоленщины, а именно группировка синтаксических моделей на так называемом докоммуникативном уровне (словосочетаний, аналогов словосочетаний, детерминантов).

Синтаксическое поле, выражающее целевые отношения. Целевое значение здесь осложнено оттенком значения времени, причины, пространства и др. Это синтаксическое поле сложно и в структурном отношении. Сюда входят и сложноподчиненные предложения, и словосочетания, и аналоги словосочетаний и т. п. Мы рассмотрим только фрагмент поля, которым говоры Смоленщины отличаются от русского литературного языка. В русском литературном языке в данном случае всегда выступает словосочетание, организованное по модели «глагол + за + имя в творит. п.»: *пойти за ягодами, за грибами, за дровами, за водой, за бригадиром*. В говорах выбор конструкции зависит от существительного. При существительных *дрова, грибы, ягоды* (и отдельные названия ягод) ядром синтаксического поля в смоленских говорах можно считать конструкцию «предлог *у* + винительный падеж имени»: *И ў дрóвы сьма́йэз'ила; Мужы́к хад'іў у ўр'ібы́; Пó'йд'иш у балóта у і́аўэды*. Наряду с этой конструкцией встречается (реже) конструкция «предлог *по* + винительный падеж имени»: *Йэз'ила па дрóвы; Хад'іў пэ-йаўэды*.

Что касается конструкций с существительным *вода*, то здесь ядром поля можно считать для смоленских говоров (как и для белорусских) конструкцию «предлог *по* + винительный падеж имени»: *пэ́шлэ пу вад́у*. Очень редко (и, как правило, параллельно с предыдущей конструкцией) встречается модель «предлог *за* + творительный падеж»: *пэ́шлэ зэ-вад́бй*. На периферии поля находится конструкция *пэ́шлэ вад́ы*. Эта конструкция, как правило, в микросистемах употребляется параллельно с целевыми предложными конструкциями. Конструкция привлекла наше внимание тем, что она является общей для смоленских говоров и литовского языка. Целевые отношения в литовском языке в большинстве случаев выражаются беспредложным дательным и родительным падежа-

ми. К. Мустейкис отмечает: «Особенностью литовского языка является явное преобладание беспредложных словосочетаний, выражающих целевые отношения»³.

К дательному цели может восходить и адвербиализированная форма *двору́* в широко встречающейся в говорах конструкции *пойти двору́*. Что касается конструкций с существительными, называющими лицо (типа *бригадир, председатель, соседка* и т. п.), то здесь ядром поля можно считать для многих микросистем параллельные конструкции «предлог **по** + винительный падеж имени» // «предлог **за** + творительный падеж имени»: *з'б'е'у́зй за дб́хтэ́рэм* // *з'б'е'у́зй на дб́хтэ́ра*. В отдельных системах употребляется только конструкция «предлог **за** + родительный падеж имени».

Следовательно, в рассмотренном фрагменте поля в смоленских говорах можно выделить три микрополя с разным соотношением ядерных и периферийных конструкций (причем, в разных микросистемах возможно разное соотношение): а) микрополе, в состав конструкций которого входят существительные *дрова, грибы, ягоды* (и их отдельные названия); б) микрополе со словом *вода*; в) микрополе, в состав конструкций которого входят существительные, называющие лицо.

Для всех микрополей характерна общая модель «предлог **по** + винительный падеж имени», которая встречается не во всех микросистемах и является ядерной только для микрополя б. Такое выделение микрополей является для русского языка диалектной чертой, так как в русском литературном языке здесь выступает только одна модель (микрополя отсутствуют). Но этот фрагмент поля сближает смоленские говоры с белорусскими, являясь продолжением белорусского ареала (см. карты 215 и 216 ДАБМ).

Синтаксическое поле, выражающее временные отношения. Это поле тоже сложно в структурном отношении, так как отражает средствами языка сложную философскую категорию времени. Здесь выделяются следующие микрополя: а) простой констатации (указания) времени; б) протекания действия в какой-то нечетко выраженный отрезок времени; в) протекания действия в четко ограниченный (от и до) отрезок времени; г) предшествования; д) следования; е) повторяемости во времени.

Возможно выделение и других микрополей. Микрополе в полностью совпадает с русским литературным языком (на докоммуникативном уровне). В микрополе д диалектные различия касаются лишь лексического наполнения конструкции «предлог **по** + предложный падеж», которая свойственна и русскому литературному языку: *П'йшл'а м'я́й'а жыс'т' т'ым -жа ва́уым, й'ак на-с'м'э́рт'и П'я́ў'учк'а*. В микрополе а нами отмечено употребление винительного падежа слова *год* в сочетании с определением *прошлый*: *Пр'ошлы́ уот мал'іны н'ь-бы́л'о*⁴. Возможно в таком значении употребление конструкции «предлог **на** + винительный падеж имени»: *Вот на са́мый на Хр'исто́ў д'ен' хто у ц'эркы́, хто куды́; З'эп'айём п'эс'н'у н'ь-расх'от* (=когда надо расходиться). Констатация времени может быть выражена и творительным беспредложным (что встречалось и в древнерусском языке): *Пайшо́ў мой сын Ива́н н'ь-з'рабо́тк'и в'ал'ік'им паст'ом*. (В древнерусском языке во временном значении часто употреблялись беспредложные родительный, винительный, творительный, местный. В современном литовском языке во временном значении значительно чаще, чем в русском, употребляется творительный беспредложный наряду с местным (всегда беспредложным) падежом.)

Отмеченные диалектные конструкции имеют разное распространение в микросистемах, но чаще находятся на периферии поля. В микрополе б шире, чем в литературном русском языке, употребляется творительный беспредложный: *Быва́ла ф'ил'іпы́ўцэ́м'и у нас п'эс'ид'елк'и* (ср. с литературным *целыми днями, ночами*). В микрополе г фиксируются характерные и белорусскому языку (не только русским говорам) конструкции: *В'ач'э́р'ийут' ва́р'ива пат-с'э́р'иду; Шт'о прат'и нач'и нас*

б'іспакóйт'а? В микрополе *e* ядерной можно считать общую с белорусским языком конструкцию «предлог по + предложный падеж имени»: Хóд'ім тудá пэ-нэца́х.

В заключение обзора этого фрагмента синтаксического поля следует отметить, что для отдельных микрополей ядерными являются конструкции, общие с белорусским языком (микрополе *e*); встречаются конструкции, общие для смоленских говоров и белорусских, и в других микрополях (микрополе *г*). Вместе с тем есть микрополя, в которых отличия от русского литературного языка минимальны (микрополя *в, д*). А в общем поле представляет собою довольно пеструю картину. Например, в значении продолжительности протекания действия (с оттенком ограничения во времени) нами зафиксирована в одной микросистеме конструкция: *Тр'и ўо́да мы бы́л'и атв'эз'ьны у л'уд'о́х*.

Синтаксическое поле, выражающее причинные отношения. В этом поле можно выделить два микрополя — внутренней причины и внешней. Структура микрополя внутренней причины очень близка к структуре этого микрополя в русском литературном языке.

В микрополе внешней причины в смоленских говорах на докоммуникативном уровне отмечена общая для описываемых и белорусских говоров конструкция «предлог по + дательный падеж имени»: *З'јéл'и мы вóс'им' кул'ёй хл'ёба пу б'іднат'é; Пла́к'ьла йá и з'ьл'ивáл'ьс' на йётых ўо́р'ушк'эх ўар'у́ч'им'и с'л'аз'м'і́*. Описанные фрагменты синтаксических полей обнаруживают много общего с белорусскими говорами, хотя и в разной степени.

Таким образом, западные смоленские говоры и на синтаксическом уровне проявляют свой переходный характер. На периферии синтаксического поля, выражающего целевые отношения, есть модель, общая для смоленских говоров и литовского языка. На периферии временного поля отмечены архаические конструкции, которые были свойственны древнерусскому языку.

¹ Филичева Н. И. Синтаксические поля. — М., 1977, с. 15.

² См. определение синтаксического поля у Л. Вайсгербера, Д. Н. Шмелева, Г. А. Золотовой, Н. И. Филичевой и др. исследователей.

³ Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. — Вильнюс, 1972, с. 261.

⁴ В литовском языке винительный времени употребляется чаще, чем в русском, особенно со словами, обозначающими отрезки времени.

Л. Н. ЧУМАК

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ПРЯМОМУ ОБЪЕКТУ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

В современном языкознании традиционным является отнесение к прямому объекту, кроме Вин. беспредложного при переходных глаголах, некоторых форм Род. беспредложного. Употребление Род. связано с количественной характеристикой объекта, а также со значением объекта, подвергаемого воздействию в неполном объеме.

Однако далеко не все формы Род. беспредложного при переходных глаголах можно безоговорочно считать прямым объектом. Не раз высказывалось мнение, что при отрицании Род. прямым объектом не является¹. Род. части и временного пользования в роли прямого объекта имеют собственные оттенки значения; возвратные глаголы со значением полноты действия, при которых Вин. прямого объекта невозможен, часто широко используют Род. части, соотносительный с Тв.: *нап'иться, об'есться чегó-л'и́бо (чем-л'и́бо)*.

С другой стороны, некоторые другие синтаксические формы, как беспредложные, так и предложные, также реализуют значение полного охвата глагольным признаком. На субстанции-объекте данный актив-